

Родники любви

стихи и проза

Родники любви

Сборник стихов и прозы
участников любительского
творческого объединения
«Литературный салон»
г. Гурьевска

УДК 82-1, 82-3
ББК 94.4 (Рос-Рус)
Р60

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателей запрещается.

Родники любви : сборник стихов и прозы / ред. Т.Б. Копытова. – Гурьевск: Любительское творческое объединение «Литературный салон», 2020.- 126 с.

Знак информационной продукции

Авторы сборника «Родники любви» – участники любительского творческого объединения «Литературный салон» г. Гурьевска Кемеровской области, которое существует вот уже 44-й год. Это люди разных возрастов и профессий, но их объединяет то, что они мыслят чувствами, и потому тема любви – и в общепринятом смысле, и по отношению к природе, отечеству, родителям, друзьям, братьям меньшим – всегда главная в их творчестве. В отличие от предыдущего сборника «Светлая даль», который был издан в 2019 году, в сборник «Родники любви» вошли не только стихи, но и проза.

УДК 82-1, 82-3
ББК 94.4 (Рос-Рус)

© Литературный салон, 2020
© Сборник стихов и прозы
«Родники любви», 2020
© Все права защищены

Литературный салон

Анжелика Лавицкая

родилась в 1989 году. Одна из самых молодых и неординарных представителей «Литературного салона». Стихи начала писать в 10 классе, они публиковались в газете «Знамянка», сборнике «Светлая даль». Были у неё публикации в московском журнале «Путеводная звезда», газете «Мега-экспресс», альманахе «Огни Кузбасса». В 2016 году вышел первый поэтический сборник «Право безумных», в 2017 году увидел свет второй сборник «Сказки», куда кроме лирики вошел и мистический роман «Лоботомия», в 2018 году вышел сборник «Как все», в который вошли стихи и рассказы, написанные в соавторстве с друзьями, в 2019 году Анжелика издала сборник стихов «Неизбранное», в 2020 году – сборник «Серое». Дипломант открытого областного конкурса «Говорит XXI век» в 2018 году.

Свои произведения размещает в интернете (творческий псевдоним Dead Moon), в том числе и на сайте «Стихи.ру». С 2012 года - фикрайтер, в 2014 году основала виртуальное сообщество для фикрайтеров «Мир фикрайтера», которое находится в социальной сети «ВКонтакте». С 2020 года руководит факультетом молодого литератора «PRO», в этом же году приняла участие в конкурсе молодых писателей и поэтов на получение премии «Лицей» и попала в long list.

Рикошет

*Жалость скрипнула на зубах,
Мясо вскрикнуло под ножом.
Егор Летов*

— Рим наш! — Макс за тридцать, но ведёт он себя так, будто ему до сих пор семнадцать: с разбега падает в шумные волны моря.

Мы тащились на этот пляж пешком — все трое хотели посмотреть на коробки с мясом... На достопримечательности: строения, памятники архитектуры и прочую белиберду для туристов. Они хотели посмотреть на всё это спокойно, дикарями, без всяких гидов и толпы себе подобных; но, смело можно сказать, что не вышло — туристов дохренища на каждом шагу: лето, отпуска.

Да и здесь не лучше. Всем, конечно, плевать друг на друга: каждый делает фотки для того, чтобы залить их в «Инстаграм», «Твиттер», «Вконтакте», «Одноклассники» (кто где больше тусит), дабы позлить своих... Друзей? Врагов? Коллег? Да всех, кто только увидит эти фотки; в первую очередь тех, кто не может себе такого позволить.

Ирка бежит следом за Максом, что-то радостно пищит. Ты остаёшься со мной на берегу — приходится. Не будь я здесь — ты побежал бы так же, как они: лето, море, долгожданный отпуск. Жалко меня такую: кое-как уговорили сюда приехать,

мол, чего это я очередной отпуск в своей деревне провести собралась; лес, ягода, грибы — не круто, этим никого не удивишь, поехали.

На самом деле мне стало жаль вас, и я согласилась поехать. Вам нравится ходить по каменным джунглям, дышать выхлопными газами, вариться в социальном супчике; но на курорте вы — не картошка, не морковка, и кубиками вас сюда никто не нарезал; здесь вы — мясо, обгорающее на солнышке¹.

— Иди, купайся, я же не умею плавать, ты знаешь; и вообще — хочу посидеть и отдохнуть от всего этого, — я не отрываю взгляда от бирюзовых волн, говоря тебе это, зная, что ты не сорвёшься тут же с места, а из жалости будешь некоторое время уговаривать пойти с тобой.

Так и получается: уговариваешь, отказываюсь, уходишь.

Зачем мы снова потратили время на эту жалость?

Можно было бы насладиться тишиной, но туристические пляжи всегда полны людей, потому придётся абстрагироваться от них, включив музыку.

Всё, что у меня есть, — голос сибирского парня, сорванный до хрипоты; такое могло появиться только в нашей Сибири; и этот голос мысленно возвращает домой, стоит только закрыть глаза: тайга, рой мошкары, высокая трава путается в ногах, шумит, клубничное поле, запах грибов...

Вам такое не нравилось никогда, но из жалости пару дней назад вы согласились пройти со мной по лесу; в конце кон-

цов — это мой отпуск и мне захотелось в лес.

Сначала вам не нравилось, что в лесу слишком много травы, валяются сухие ветки и стволы деревьев, о которые можно запнуться; а еще:

— Чёрт знает, что в этой траве или под этим пнём! Вдруг змеи! — возмущался Макс.

— Да нет здесь никого, — устало говорил ты и шёл рядом со мной; мысленно, наверное, добавляя: «кроме нас, придурков».

Через некоторое время вы возненавидели мошкар, которой было плевать на ваши дорогие аэрозоли: комары залетали в глаза, лезли к голове, кусали руки, — налетали целым роем.

— Вот за это — я не люблю лес! — громко возмущалась Ира.

Мне вдруг загораживают солнце; понимая, что около меня возникла человеческая тушка, — открываю глаза, вытаскиваю один наушник.

Какая-то женщина в огромной шляпе-грибке, с обгоревшим на солнце лицом, спрашивает: говорю ли я по-русски.

— Sorry. I don't know, — отвечаю ей, едва вспомнив хоть что-то из школьной программы.

— Ни одного, сука, русского! Куда все делись?! — ругается она, думая, что я не понимаю; отходит.

Вот за это я не люблю курорты: рой обгорающего на солнце мяса; никакого отличия от города, где находится моя работа: люди, здания, здания, люди, здания с окнами, с лепниной, колоннами, разрушенные здания. Где-то там был Цезарь, а там — гладиаторские бои... Да плевать по большому счёту.

Вам весело в волнах, мне скучно и тоскливо на берегу; вставляю наушник, закрываю глаза, пытаюсь мысленно вернуться в свой лес, но приходит моё обычное чёрное вдохновение и мысли о том, что люди — насекомые.

«Такое уже было у Пелевина», — торможу я себя².

Но тормозится плохо: тут же вспоминаю, как ты читал всем нам новости перед вылетом — твоя привычка с предыдущего места работы; а Макс возмущался:

— Да и фиг с ними всеми! Хоть мировой потоп, но только не там, где будем мы! Дальше от всего этого! Нас тут не будет! Хватит о нашем ужасном настоящем, давайте отвлечёмся!

Ты согласился, а потом мы договорились, что весь отдых не будем заходить в интернет и не станем читать новости — мы якобы на другой планете.

До меня дотрагивается рука в песке — это Ира; приходится повторить всё, как с той тёткой: открыть глаза, вытащить наушник.

— Пойдём, говорю, фотаться, чего ты тут сидишь?! — Ира готова тащить меня: тянет за руку, не дожидаясь согласия. Песок с её руки каким-то образом оказался у меня во рту, скрипит на зубах.

Мне вас жаль. Вы — мои друзья.

— Нелька, пошли, давай, — ты тоже оказываешься рядом и вытягиваешь меня с берега.

Мне вас жаль, но я не хочу здесь больше находиться.

Песок скрипит на зубах вместе с этой ненужной мне жалостью, которая убивает моё настоящее Я.

Моё Я не хочет быть здесь, не хочет быть с вами, не хочет фотографироваться; Я хочет одиночества, замкнутости, жить в своей мясной избушке, в своей одиночной камере, где вечная весна, лес, клубничное поле и запах грибов³.

Ах, если бы у меня был нож и убийства не преследовались бы по закону; но у меня есть только одно оружие, которое режет не хуже ножа, и кажется, что сейчас я его вытащу из ножен. Наверное, кого-то испугала бы одна только мысль о ноже, этот кто-то посчитал бы себя ужасным человеком; но я-то знаю, что думаю не о физической расправе. Я писатель; мое оружие — Слово.

— Ну, хотя бы сделай вид, что тебе весело и ты счастлива! — кричит Ира, не отрываясь от своего фотоаппарата.

Ты обнимаешь, мы — счастливая пара, и из моря вышли вместе, и веселились тут, а теперь нас вдруг фотают.

— Да хватит! — я вырываюсь; иду на берег, не зная, что сказать ещё.

— Нель, чо опять не так?! — Ира кричит мне вслед.

— Ты чего? — ты обгоняешь и становишься на моём пути.

Макс молча подходит.

Вы меня окружили. Вам жалко меня, а мне жалко вас, но жалость моя проходит, и остается только ненависть.

— Да вы все мне — противны! И даже ты! — хочется выбежать из окружения, но я сталкиваюсь с тобой; ты не пропускаешь. Хорошо. Я продолжу: — Притворяетесь, что вам весело, что только этого и ждали; будто нет у вас никаких проблем! Для кого ты делаешь эти фотографии? На память?! — я переключаюсь на Иру, с ней всегда проще спорить. — Да нифига не на память! — возражаю, будто она мне ответила, я ведь знаю, что меня никто не перебьёт. — Хочешь показать своим знакомым, как ништяково ты время провела! А ты?! — я возвращаюсь к тебе. Больно можно ударить только того, кого знаешь лучше остальных, почти как себя. — Ты же крутой, тебе важно поддерживать свой статус, говорить своим крутым друзьям потом, что отпуск в Италии провел! — последним остаётся Макс, но для него всего одна фраза: — А ты — просто придурок!

— А чего ты тут мне американку изображала?! — откуда-то появляется та самая тётка с обгорелым лицом в шляпе-грибке; я совсем забыла, что нахожусь не в лесу, и вокруг люди; но мне уже плевать — отдых испорчен с этих минут для всех, а не для меня одной.

— Вы все — ненастоящие! — продолжаю я, отступая назад, дальше от тебя; Ира и Макс меня точно пропустят. — Хватит притворяться! Вы со мной из жалости, а я — с вами! Нет никакой дружбы!

Я прокричала это и выбежала из окружения.

«Нет никакой дружбы?! — застучало в голове. — Если не догонят, значит, точно — нет, а если догонят — из жалости, как и всегда. Всё стерпят. Знают же: я тот ещё социофобушек; мне, мол, просто выговориться надо было, а потом я с ними, стоит нам только вернуться в отель и заказать выпивку».

Ты догоняешь первым; оборачиваюсь, чтобы увидеть Иру и Макса, но их нет — они остались на пляже.

— Они не пойдут, — говоришь ты. Я не отвечаю, опускаю голову, будто мне стыдно за то, что сказала правду. — Хочешь, куплю тебе билет обратно? Утром будешь дома, — это не шутка, ты говоришь серьёзно. Останавливаюсь. Снова жалость.

— Может, ещё и разведёмся? — нож пора спрятать в ножны, но разве можно остановить маньяка, который вошёл во вкус, уступив ему?

— Я тоже думаю: давно пора; ты права: нет ничего настоящего, только жалость.

Мне, наверное, нужно плакать, но я вдруг расплываюсь в улыбке, и вырывается громкий истеричный смех. Хохочу, будто сошла с ума.

Кого я убила своим оружием?

¹весь абзац — отсылка к стихотворению «Мир социального супчика»

²Виктор Пелевин «Жизнь насекомых»

³Немного отсылка к песням Е. Летова, в частности: «Насекомые», «Вечная весна в одиночной камере»